

На правах рукописи

Янчев Дмитрий Викторович

ХОЗЯЙСТВО
И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
НЕГИДАЛЬЦЕВ
(вторая половина XIX—XX в.)

Специальность 07.00.07 — «Этнография,
этнология и антропология»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Владивосток — 2006

Работа выполнена в отделе этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Научный руководитель доктор исторических наук
Старцев Анатолий Федорович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Гонтмахер Пётр Яковлевич;
кандидат исторических наук
Филимонов Алексей Геннадьевич

Ведущая организация **Дальневосточный государственный университет**

Защита состоится 26 декабря 2006 года в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 005.010.01 при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Автореферат разослан «24» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Сухачева Г.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблемы рационального природопользования относятся к приоритетным направлениям современных научных изысканий. Поэтому важно и актуально осмысление опыта традиционной хозяйственной деятельности одного из коренных этносов дальневосточного региона. В этнографической науке за последние полтора столетия накоплен богатый материал, который дает широкое представление о различных сторонах материальной культуры и промысловой деятельности негидальцев. Но до сих пор нет обобщающей работы по культуре негидальцев, в связи с чем изучение хозяйства и материальной культуры этого этноса является важной задачей этнографической науки.

Коренные народы изучаемого региона нуждаются в знаниях своей истории, способствующей сохранению национальных традиций и консолидации национальных меньшинств. Этнографические исследования коренных малочисленных народов Севера необходимы и для руководящих органов Российского государства при разработке социально-экономических и культурных программ по развитию народов Севера.

В качестве **объекта исследования** избран негидальский этнос, один из коренных малочисленных народов Севера тунгусо-маньчжурской группы.

Предмет исследования — хозяйство и материальная культура негидальцев.

Хронологические рамки — вторая половина XIX—XX в. Именно со второй половины XIX в. в этнографической и исторической российской науке стали появляться многочисленные публикации о культуре и быте народов Приамурья и Приморья.

Географические рамки исследования охватывают районы Нижнего Амура (Ульчский, Николаевский и район им. Полины Осипенко Хабаровского края). Именно на их территории находятся селения наиболее компактного проживания негидальского этноса.

Цель и задачи. Исследовать традиционное и современное хозяйство и материальную культуру этноса в сравнительном плане с другими народами Нижнего Амура.

Поставленная цель диссертационного исследования достигается путем решения следующих задач:

- обобщить опубликованную научную литературу и неопубликованные источники, сосредоточенные в печати, правовых актах, архивах и музеях;
- отразить особенности развития материальной культуры и быта негидальского этноса;

- показать в комплексе хозяйство этноса, основанное на охотопромысловой деятельности, рыболовстве, оленеводстве, собирательстве и сельском хозяйстве за 150 лет их истории.
- отметить этнокультурные контакты негидальцев в области материальной культуры и хозяйственной деятельности с народами Нижнего Амура.

Методологической базой работы являются концепции и подходы, связанные с исследованиями локальных культурных комплексов. Основой для их развития стала теория хозяйственно-культурных типов¹. За основу исследования взят локальный культурный комплекс негидальского этноса, основанный на охоте и рыболовстве. В его границах сформировалась традиционная материальная культура негидальцев: жилище, хозяйственные постройки, одежда, пища, домашняя утварь, средства передвижения. В методологическую основу диссертации заложены принцип историзма, а также разработанные в отечественной науке понятия культуры, традиционно-бытовой культуры и ее сфер, в том числе культуры жизнеобеспечения. В качестве методологической посылки, позволившей объединить и придать целостность исследованию, явились положения системного подхода. Важную методологическую ценность для нашего исследования представляли подходы, разрабатываемые в этноэкологических исследованиях. В данной работе использованы методы системного историко-этнографического анализа, историко-сравнительный и сравнительно-типологический, метод ретроспективных реконструкций.

Методика исследования базируется на двух типах, традиционных для этнографического изучения: полевых — сбор источников и исследовательского материала; кабинетных — обработка собранных материалов. В качестве основных методов сбора материала для исследования применялись интервьюирование (опрос), непосредственное наблюдение и фиксация материальных объектов. Из кабинетных методов использовались научное описание, анализ, синтез, методы классификации и типологии явлений традиционной культуры.

Источниковая база диссертационного исследования. В диссертационной работе использованы разные источники: опубликованные в периодической печати — газетах, журналах, справочной литературе, словарях и других изданиях, архивные материалы, преимущественно сосредоточенные в государственных архивах страны, в ведомственных архивах хозяйственных и общественных организаций, в национальных общинах

¹ Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 3—17.

разной формы собственности, сельских, поселковых и городских администрациях Хабаровского края.

В государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) сосредоточены материалы о хозяйственной деятельности негидальских колхозов², в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ) и Центральном государственном архиве Российской Федерации (ЦГАРФ) имеются материалы 20—30-х годов XX столетия, характеризующие особенности культурного и хозяйственного развития малочисленных народов Нижнего Амура и других районов Дальнего Востока. В рукописном фонде Российского этнографического музея (РФ РЭМ) хранятся записи В.К. Арсеньева, отражающие характерные особенности сбора этнографических материалов в Приамурском крае³; исследование М.А. Каплан за 1962 г. «У тунгусо-маньчжурских народностей реки Амур и на Сахалине»⁴. В архиве Музея археологии и этнографии (МАЭ) имеются разнообразные материалы по материальной и духовной культуре негидальского этноса⁵.

Кроме архивных источников в диссертационном исследовании использованы и музейные материалы по культуре и хозяйственной деятельности народа. К ним относятся предметы средств передвижения, комплекты одежды, предметы кухонной утвари и бытовой культуры, орудия труда и т.д., хранящиеся в Российском этнографическом музее (РЭМ)⁶, Хабаровском краевом краеведческом музее им. Н.И. Гродекова (ХККМ)⁷, в музее археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (МАИЭ ИИАЭНДВ)⁸, в районном музее им. П. Осипенко Хабаровского края (РМ им. П. Осипенко ХК)⁹, в районном музее с. Богородского Комсомольского района (РМУ ХК)¹⁰, в школьном музее с. Кальма Николаевского района Хабаровского края

² ГАХК. Ф. 1780, оп. 1, д. 8, 11, 17, 20, 25, 27, 36, 39, 42, 44, 46, 48, 52, 55, 58, 60; оп. 2, д. 74, 78, 89, 94, 95, 98; ф. 1817, оп. 1, д. 73; оп. 2, д. 8, 98; ф. 1817, оп. 1, д. 125; оп. 1, д. 219; ф. 1459, оп. 1, д. 19.

³ РФ РЭМ. Ф. 1, оп. 2, д. 19 (Материалы В.К. Арсеньева).

⁴ РФ РЭМ. Ф. 2, оп. 2, д. 288 (Материалы В.К. Арсеньева).

⁵ Архив МАЭ Кунсткамера. Ф. 23, оп. 1, № 12; материалы Е.П. Орловой; оп. 2, № 137; материалы Альберта Липского «Поездка по Амгуни» Полевой дневник 1925 г. 60 л. К-1, оп. 2 № 110 И.И. Козьминский, Н.К. Каргер Горинско-Амгунская экспедиция 1926 г. Ф. 1, оп. 1, д. 231, л. 56.

⁶ РЭМ. № 2566-11218.

⁷ ХККМ. № 7112-102114.

⁸ МАИЭ ИИАЭНДВ. № 64; № 866.

⁹ РМ им. П. Осипенко ХК. Б/н.

¹⁰ РМУ ХК. Б/н.

(ШМ ХК)¹¹, фонды которых не описаны, а экспонаты не имеют фондированных номеров.

В диссертационной работе используются и фотодокументы, сосредоточенные в РЭМ, МАЭ и ХККМ, а также авторские фотоснимки, сделанные во время полевых исследований в населенных пунктах района им. П. Осипенко (с. Владимировка) и Николаевском районе (с. Кальма, Белоглинка и Тыр) Хабаровского края.

История изучения проблемы. Все публикации прямо или косвенно связанные с тематикой диссертационного исследования можно рассмотреть в рамках трех хронологических периодов: дореволюционного, советского и постсоветского.

В первый период была сформирована источниковая база по коренным этносам Дальнего Востока, появились фундаментальные этнографические описания отдельных аспектов традиционной культуры коренных народов. Среди работ исследовательского характера прежде всего следует отметить труды А.Ф. Миддендорфа, Л.И. Шренка, С.К. Патканова и др., с появлением которых, по сути дела, и начиналась научно-исследовательская работа по негидальскому этносу. А.Ф. Миддендорф в 1844—1846 гг. посетил ряд небольших стойбищ негидальцев. Свои наблюдения А.Ф. Миддендорф в 1878 г. изложил в труде «Путешествие на Север и Восток Сибири», который явился первым этнографическим исследованием традиционно-бытовой культуры негидальцев¹². В 1854 г. в районах Нижнего Амура работала комплексная экспедиция, руководителем которой был академик и этнограф Л.И. Шренк. Свои этнографические изыскания Л.И. Шренк обобщил и опубликовал в конце XIX в. в трехтомном труде «Об инородцах Амурского края». Третий том этого труда полностью посвящен этнографии народов Нижнего Амура. Однако следует сказать, что Л.И. Шренк в негидальских селениях не был, а только встречался с негидальцами, когда работал с нивхами. Во время этих эпизодических встреч он и получил данные о месте расселения негидальцев, их быте, материальной и духовной культуре этноса¹³.

В 1897 г. в Приамурье была проведена Всероссийская перепись населения. Материалы этой переписи переработал С.К. Патканов и свои выводы опубликовал в 1906 г. в одной из работ, в которой сосредоточил сведе-

¹¹ Школьный музей с. Кальма Николаевского района Хабаровского края в 1998 г. полностью сгорел со всеми экспонатами. Из этого музея у диссертанта остались лишь фотографии экспонатов, которые демонстрируются в приложении настоящего исследования.

¹² Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1878.

¹³ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб.: 1883. Т. 1, 1899. Т. 2. 1903. Т. 3.

ния по географическому распространению и численности этноса, родовому составу, коснулся вопросов религии, языка и хозяйственной деятельности негидальцев¹⁴.

Обширной и разнообразной была проблематика исследований советского периода: этногенез и этническая история, хозяйственная деятельность и материальная культура, общественный и семейный быт, лингвистические и диалектологические исследования, фольклор и др. В том или ином аспекте данные проблемы рассматривались на материалах негидальского этноса.

Большой вклад в изучение хозяйства, материальной и духовной культуры негидальцев внес Л.Я. Штернберг. Для нашего исследования наиболее важными являются его размышления о хозяйственной, охотопромысловой деятельности и рыболовстве негидальцев; он считал эти отрасли древними и традиционными. Л.Я. Штернберг выдвинул спорную гипотезу о существовании оленеводства у негидальцев, он искренне считал, что оленеводства у негидальцев не было и что по своим этническим корням они гораздо ближе к гилякам, нежели к тунгусам, от которых эпизодически к негидальцам попадали олени¹⁵.

В публикациях В.П. Литвинцева, Н.Н. Радаева, И. Гапановича кроме проблем экономического развития негидальцев рассматривались средства передвижения, одежда, пища, огородничество, высказывалась мысль о развитии оленеводства и т.д.¹⁶ В 1937 г. появляется статья «Развитие тунгусо-маньчжурской лодки по данным языка» К.М. Мыльниковой-Форштейн, в которой на основании языковых данных негидальцев, нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев и др. рассмотрено развитие водных средств передвижения народов Приамурья¹⁷. После исследования К.М. Мыльниковой-Форштейн изучение хозяйства и материальной культуры негидальцев на долгие годы было прекращено. Оно возобновилось вновь только в 1950-е годы публикацией статьи И.С. Вдовина «Первые историко-этнографические сведения о негидальцах», опубликованной в 1953 г., где представлены

¹⁴ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племён Сибири на основании данных переписи населения. 1897 г. и других источников. СПб., 1906. Ч. 2. С. 141—148.

¹⁵ Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С. 529—552.

¹⁶ Радаев Н.Н. Гилюй-Ольдойский и Амгуньский охотничье-промысловые районы // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1926. № 6—7. С. 64—76.; Литвинцев В.П. Промысловое население Амгуньского района // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1926. № 6—7. С. 124—141.; Гапанович И. Экономические возможности Амгуньского бассейна // Сов. Приморье. 1925. № 7. С. 46.

¹⁷ Мыльникова-Форштейн К.М. Развитие тунгусо-маньчжурской лодки по данным языка // Сборник статей памяти В.Г. Богораза (1865—1936). М.; Л., 1937. С. 325—348.

сведения о рыболовстве и охоте негидальцев, а также их материальной культуре с середины XVIII столетия¹⁸.

В 1956 г. учёные Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая опубликовали коллективную монографию «Народы Сибири». В этой книге имеется и раздел «Негидальцы», подготовленный видными учеными С.В. Ивановым, М.Г. Левиным и А.В. Смоляк. В книге уделяется внимание проблемам этногенеза негидальцев, этнокультурным контактам с соседними народами, отмечается комплекс хозяйственного развития, традиционный и современный быт этноса¹⁹.

Типологизации обуви народов Сибири и Нижнего Амура посвящено исследование Г.М. Василевич. По мнению исследователя, обувь верховских негидальцев по своему покрою и украшениям сближается с обувью учурско-амгуньских эвенков, а обувь низовских негидальцев — с обувью нанайцев и нивхов²⁰.

Во второй половине 1960-х годов Е.П. Орлова в статье «Негидальцы» подробно рассматривает процесс изготовления традиционной берестяной оморочки и управление этой лодкой с помощью различных весел, касается вопросов хозяйственной деятельности национальных колхозов, в которых работали негидальцы, сообщает о развитии огородничества, скотоводства и рыболовства в коллективных хозяйствах этноса²¹. А.В. Смоляк, рассматривает формирование родовых экзогамных объединений негидальского этноса; касается вопросов свободного владения охотопромысловыми участками на территориях, занимаемых нанайцами и другими народами Нижнего Амура²². В другой работе А.В. Смоляк уделяет внимание национальной мужской одежде негидальцев, где отмечаются особенности покроя, характерного только для удэгейцев, что свидетельствует о прошлых и очень близких этнокультурных контактах этих этносов²³; она описывает орудия рыбо-

¹⁸ Вдовин И.С. Историко-этнографические сведения о негидальцах середины XVIII столетия // Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. Л., 1953. С. 208–214.

¹⁹ Иванов С.В., Левин М.Г., Смоляк А.В. Негидальцы // Народы Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 776–782.

²⁰ Василевич Г.М. Типы обуви народов Сибири // Сборник МАЭ. М.; Л.: АН СССР, 1963. Т. 21. С. 31–33.

²¹ Орлова Е.П. Негидальцы // Доклады по этнографии Географического общества СССР. Л., 1966. Вып. 3. С. 5–23.

²² Смоляк А.В. Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX — начале XX в. // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII — начало XX в.). М.: Наука, 1970. С. 269, 273, 277, 288.

²³ Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. С. 144.

ловства и сам процесс рыболовного промысла у народов Нижнего Амура, в том числе и у негидальцев²⁴.

Значителен вклад В.И. Цинциус в разработку проблем материальной культуры негидальцев. В.И. Цинциус определенное внимание уделяет особенностям охотничьего промысла на пушных и копытных животных, описывает негидальское мольбище *алачинки*, ритуальную пищу и утварь негидальцев, отмечает особенности охоты на медведя и коллективное употребление мяса зверя во время так называемого медвежьего праздника²⁵. В 1982 г. В.И. Цинциус публикует свой фундаментальный труд под названием «Негидальский язык». В этом чисто филологическом труде раскрывается суть языка этноса, который «характеризуется весьма своеобразными чертами как в фонетическом, так и в грамматическом и лексическом отношениях, сохраняя свою самобытность вплоть до наших дней»²⁶. Автор рассматривает говоры верховских и низовских негидальцев и, отмечая их особенности, говорит о ряде схожих черт негидальского языка, с одной стороны, с языком эвенков, а с другой — с языками орочей и удэгейцев. Исходя из этого, она приходит к выводу, что «особенности фонетики негидальцев несут на себе следы прошлых исторических связей этой небольшой народности с другими представителями тунгусо-маньчжурской языковой семьи»²⁷.

Публикации постсоветского этапа характеризуются поисками новых теоретических подходов, свободных от жестких идеологических установок и оценочных суждений эволюционистской парадигмы в оценке хозяйственно-культурных комплексов коренных народов дальневосточного региона. В 1998 г. появляется обобщенная работа по жилищам народов Сибири, в том числе и народам Нижнего Амура, З.П. Соколовой. Рассматривая типы жилищ народов Сибири, З.П. Соколова в разделе «Негидальцы» заостряет внимание на четырех типах негидальских жилищ: конических, двускатных в форме рассеченного цилиндра и прямоугольных с вертикальными стенками и двускатной крышей. Указанные типы построек характерны для постоянных и временных жилищ (промысловых и хозяйственных) негидальского этноса²⁸.

²⁴ Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура... С. 33, 36, 50–51, 63.

²⁵ Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX—начале XX века. Л.: Наука, 1971. С. 170–200.

²⁶ Цинциус В.И. Негидальский язык Л., Наука. 1982. С. 4.

²⁷ Там же. С. 19.

²⁸ Соколова З.П. Жилища народов Сибири (опыт типологии). М.: ИПА «Три Л», 1998. С. 103.

Работа о похоронном обряде негидальцев опубликована в 2004 г. М.М. Хасановой. Наряду с детальным описанием похоронного обряда и связанного с ним мировоззрением этноса М.М. Хасанова относительно подробно упоминает и об особенностях погребальной женской и мужской одежды²⁹. Небольшие по объему сведения о культуре негидальцев сосредоточены в монографии В.В. Подмаскина «Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов». В этой работе со ссылками на других исследователей имеются различные сведения как по материальной культуре, так и по хозяйственной деятельности негидальского этноса³⁰.

Таким образом, из приведенного анализа видно, что изучение хозяйства и материальной культуры у негидальского этноса проводилось фрагментарно, по отдельным аспектам, определенным районам проживания и некоторым группам. Поэтому можно констатировать, что вопросы состояния и развития традиционного хозяйственного комплекса у негидальцев во второй половине XIX—XX в. не получили своего комплексного и всеохватывающего изучения, не стали предметом системного научного анализа и специального исследования.

Научная и практическая значимость исследования. Диссертационная работа является частью комплексного исследования, разрабатываемого Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по теме «Народы Дальнего Востока России (XIX—XX вв.)». В предмете народной культуры любого народа есть много явлений, сложных по своему историческому происхождению, составу входящих в него элементов и разнообразию выполняемых функций. Среди них можно рассматривать материальную культуру и традиционное промысловое хозяйство негидальцев как неотъемлемую часть традиционной культуры и один из ценных источников для решения проблем этногенеза, этнической истории, этнокультурных контактов и заимствований. Тем более, что с процессом интернационализации традиционная культура подвергается большим изменениям.

Научная новизна данной работы состоит в том, что это первое этнографическое исследование по материальной культуре и хозяйственной деятельности негидальского этноса за 150 лет его развития. До сих пор в комплексе не рассматривалась материальная культура и хозяйственная деятельность

²⁹ Хасанова М.М. Традиционный похоронный обряд негидальцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Пятых Сибирских чтений Санкт-Петербург, 17—19 октября 2001 г. СПб.: МАЭ, 2004. С. 173—188.

³⁰ Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: Проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 75, 101, 124, 132—133, 137, 149—150, 162, 167, 169, 180, 181, 201—202, 219—220, 256, 295, 329, 345, 532.

негидальцев. Впервые в большом объеме сконцентрированы различные источники и опубликованные исследования в одно целое, с позиции этнокультурных контактов рассмотрены охотопромысловая деятельность, рыболовство, собирательство и сельское хозяйство негидальцев, отражена культура этноса, сформировавшаяся на местной основе народов Нижнего Амура. Исследование расширяет представление о материальной культуре и хозяйстве этноса и вводит в научный оборот новые материалы и наблюдения, которые могут стать важным историко-этнографическим источником при дальнейшем изучении этого народа.

Апробация по теме исследования. По теме исследования автор диссертации принимал участие в многочисленных сессиях и конференциях разных уровней и выступал с докладами и сообщениями. Многие доклады и сообщения опубликованы в виде научных статей в сборниках и журналах, в том числе рецензируемых ВАК. По теме диссертационного исследования опубликовано 24 работы общим объемом до 8 печатных листов.

Структура диссертации — введение, две главы, заключение и приложение. Большинство фотографий в приложении выполнены диссертантом.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность проблемы, ставятся цель и задачи, определяются хронологические и территориальные рамки, освещаются методы сбора и анализа материала, методология исследования, обосновываются новизна, практическая значимость и структура исследования, анализируется источниковая база и степень изученности темы.

В главе 1 «Хозяйство негидальцев», состоящей из пяти параграфов, рассматривается традиционная и отчасти современная культура негидальского этноса.

В первом параграфе «Охота и охотничье хозяйство (вторая половина XIX—XXв.)» исследуются особенности охотничьего промысла негидальского этноса. Охотничий промысел у верховских негидальцев играл большую роль, чем у амурских соплеменников — низовских негидальцев. Интенсивность охотничьего промысла зависела от сезона и потребностей этноса в пище и материалах для одежды, обуви, головных уборов и т.д. Охотничий промысел этноса имел свои характерные особенности, обусловленные наличием определенного снаряжения, сезоном охоты, индивидуальными качествами охотника, в совершенстве обладающего различными способами и приемами добычи зверей.

До появления огнестрельного оружия негидальские охотники пользовались только традиционным снаряжением, в состав которого входили лук *бэй* и стрелы *ней*, копьё *гида*. В комплекте охотничьего снаряжения имелись и заплечные носилки амурского типа *хина* или носилки эвенкийского типа *поняга*, лыжи-голицы или лыжи *суглэ*, подбитые камусом, ручные нарты *хонко*, на которых перевозился охотничий инвентарь и промысловая добыча. К числу важных орудий охоты для негидальского промысловика относятся сетные орудия лова — рукавички *золкоһо* и обметы, самострелы *сэн-му бэй*, петли из конского волоса *хойки*, разные ловушки давящего типа *лаанг*, которые подразделялись на ловушки *бикихта*, *дал* и *локи*, черканы *кангулта*, щемящие ловушки для добычи лисы *нахиван* и др.

В традиционном хозяйстве негидальцев охота на копытных животных не имела товарного значения. Основным объектом охоты являлся лось *бэжун*, дикий олень *актавча*, косуля *хегадин*, медведь и другие животные.

Негидальцы, как и другие малочисленные этносы Нижнего Амура, хорошо зная повадки промысловых животных, физико-географические и климатические особенности местности, в совершенстве владели разными приемами охоты. Наиболее древним и традиционным способом охоты на животных являлся промысел копытных путём гона зверей по глубокому снегу или весеннему насту на лыжах *соксила* с камусной основой или голицах *кинсилэ*.

Важным в хозяйстве негидальцев был охотничий промысел на пушных зверей, который имеет глубокие древние корни, о чем говорится в китайских хрониках эпохи средневековья. После присоединения Приамурья к России пушнина стала иметь товарное значение.

В прошлом большое внимание уделялось охоте на птицу. В тайге негидальцы выслеживали боровую дичь — рябчика, дикушу и тетерева; на реках и озерах добывали водоплавающую птицу — дикого гуся, утку и др. В начале XX столетия охотники за дичью отправлялись даже на Охотское побережье, откуда возвращались с богатой добычей.

Морской зверобойный промысел имел большое значение в хозяйственном комплексе главным образом низовских негидальцев: из шкуры морских животных шили одежду, обувь, головные уборы, делали арканы и выючные сумки, мясо употребляли в пищу, жир заготавливали впрок. Объектом промысла в основном были сивуч *онтанат* и маленькая нерпа *дяхта хутанын*. Поздней весной негидальцы создавали артели, выходили к побережью Охотского моря или спускались в устье Амура, добывая нерпу при помощи ружей и гарпунов *пелаха тяпка*.

В начале 1960-х годов негидальские колхозы были ликвидированы. Бывшие колхозники стали работать в коопзверпромхозе (КЗПХ) им. П. Осипен-

ко. В этом хозяйстве основное внимание уделялось клеточному звероводству, в малой мере — добыче пушных и копытных животных (лося) и боровой дичи. Валовой доход предприятия за год составлял чуть более 100 тыс. рублей. В КЗПХ им. П. Осипенко работали не только негидальцы, но и другие народы Нижнего Амура, в том числе и русские, численность которых в промысловом хозяйстве была превосходящей, поэтому вклад негидальцев в развитие этого хозяйства был незначительным.

В настоящее время негидальцы сосредоточились в национальном хозяйстве «Охотник», в котором работают 24 охотника из с. Владимировки. За предприятием закреплена площадь охотугодий 291,4 тыс. га при расчетной годовой добыче до 300 соболей и 10 лосей. Однако это хозяйство по своей деятельности нерентабельно и имеет большие убытки.

Охотничий промысел для негидальцев оставался традиционным видом хозяйственной деятельности как в советский период, так и в постсоветское время. Разница в охотничьем промысле в досоветское, советское и постсоветское время заключалась только в оснащении охотников орудиями труда и появлением новых методов добычи пушного и копытного зверя. Несмотря на технические изменения в охотопромысловой практике, в культуре негидальского этноса до сих пор сохраняются традиции, связанные с охотничьим промыслом многих объектов дальневосточной фауны. Традиционный охотничий промысел негидальцев неразрывно связан с хозяйственной культурной соседних народов Нижнего Амура и Приморья, о чем свидетельствует национальная терминология не только названий некоторых промысловых животных и птиц, но и многочисленных орудий труда и промыслового снаряжения.

Во втором параграфе «Традиционное и современное рыболовство негидальцев» рассмотрены характерные особенности рыболовного промысла этноса.

Рыболовство — важный вид хозяйственной деятельности у негидальцев низовьев Амгуни, где было больше рыбы частиковых и лососевых пород. Нижнеамгуньские негидальцы в реках добывали кету *дава*, сома *дахи*, *даки*, тайменя *саханан*, ленка *согдана*, хариуса *ниру*, толстолоба *савлён*, сига *сопчан*, а в озерах — карася *хангу*, щуку *койчан*.

При добыче рыбы амгуньские жители использовали различные виды сетей: «прямоугольные, широкие неводы — *дагдали*, вытянутые узкие наплавные сети — *адел*, мешкообразные сетки — *анга*», а также сложносоставное орудие лова — заездок. Широко применялись различные крючки, гарпуны, удочки и другие орудия добычи рыбы.

Кроме речной негидальцы ловили и морскую рыбу, заходившую в устье Амура. Её удавалось добывать только низовским негидальцам. Они ловили преимущественно камбалу *ихэйигдэ* и корюшку *аркай*. Добытую рыбу использовали для разового питания или заготавливали впрок путем вяления, замораживания, квашения, соления, копчения.

В XIX в. рыболовство носило в основном натуральный характер: все добытое потреблялось в семье или в кругу близких родственников и соседей. В начале XX в. рыболовство становится товарным, т.е. происходит продажа и обмен рыбы на товары у верховских и низовских негидальцев.

Этнокультурные контакты негидальцев с русскими переселенцами и другими народами выразились в распространении сетных орудий лова и новых методов добычи рыбы. Вначале рыбаки пользовались небольшими мешкообразными неводами и сетями, а в 1930-е годы в коллективных хозяйствах появились сети довольно больших размеров. Например, в негидальских колхозах имелись сети от 100 до 250 м длиной и шириной до трех метров.

Промышленное рыболовство у негидальцев не получило развития. Даже в условиях коллективных хозяйств добыча рыбы осуществлялась традиционными орудиями лова. В негидальских колхозах «Красный Чукчагирец» и «Новая жизнь», образованных в 1932 г., из современных орудий лова имелось только по одной — две сети, с помощью которых рыбаки добывали за год максимум 30 ц крупного или мелкого частика. Естественно, от такого рыболовства денежные доходы артелей по сравнению с растениеводством были намного меньше.

В советский и постсоветский периоды негидальцы Хабаровского края добывали рыбу только для удовлетворения потребностей своих семей. Национальное предприятие ООО «Охотник», в котором негидальцы занимаются добычей рыбы в небольших размерах, ограничивается ловом нормовой рыбы лососевых пород, потому что в р. Амгуни промышленная добыча лососевых рыб запрещена. Предприятие не имеет надлежащего флота и материально-технической базы, чтобы вести промышленный лов на Амуре, поэтому «Охотник», как и многие другие национальные хозяйства Хабаровского края, в экономическом плане нерентабельно.

Негидальские орудия лова составляют единый комплекс рыболовецко-го хозяйства народов Нижнего Амура, соответствующий уровню развития рыболовного промысла в рамках натурального хозяйства, и приспособлен к физико-географическим условиям территории расселения этноса. Рыболовецкая отрасль всегда обеспечивала негидальцев не только про-

дуктами питания, но и являлась поставщиком материалов для одежды, обуви и других бытовых потребностей этноса.

В третьем параграфе «Оленеводство негидальцев» рассматривается проблема существования негидальцев, которое у негидальцев было не столь развитым, как у эвенков. Верховские негидальцы, имея оленей, использовали их в транспортных целях. На оленях ездили верхом, но чаще впрягали в нарты и перевозили хозяйственные грузы, производили перекочевки на далекие расстояния. В отличие от верховских сородичей низовские негидальцы оленей не имели, их заменяли собаки, используемые как в качестве тягловой силы, так и в охотопромысловой деятельности.

Вопрос негидальского оленеводства до сих пор остается проблематичным. Дело в том, что некоторые исследователи считают, что оленеводства у негидальцев не было (Л.И. Шренк, Н.К. Бошняк, Ф. Шмид), другие, доказывают обратное (К.Д. Логиновский, А.В. Смоляк, Л.Я. Штернберг).

Относительная стабильность существования оленеводства у негидальцев прослеживается только на примере членов рода Удан, пришедших в среднюю часть бассейна Амгуни с ее верховьев на оленях; с ними стали вступать в браки Нясикагили.

Диссертационное исследование показало, что проблема бытования оленеводства у негидальцев должна решаться с учетом хронологического фактора. В начале второй половины XIX столетия оленеводства у негидальцев не было, а материалы Л.Я. Штернберга, относящиеся к первым десятилетиям XX в., подтверждают наличие оленеводства у негидальцев. Факт появления оленеводства у негидальцев объясняется процессом формирования негидальского этноса, обусловленного слиянием оленеводческих эвенков с амгуньскими охотниками и рыбаками, тяготевшими к культуре народов Нижнего Амура и Приморья, что и подтверждается процессом брачных контактов или слиянием родов Удан и Нясикагиль в бассейне р. Амгуни. Но оленеводство у негидальцев по сравнению с эвенками большого развития не получило и в экономике этноса практически не имело особого значения. Олени использовались в качестве тягловой силы или верховой езды.

Таким образом, можно сделать вывод, что оленеводство у негидальцев второй половины XIX — первой половины XX в. имело подсобное значение. Появление его в хозяйственном комплексе было обусловлено экономическими и этногенетическими процессами, происходившими в культурах негидальского и эвенкийского этносов. Хорошие знания негидальцев оленеводческой терминологии объясняется процессом слияния некоторых групп негидальцев с эвенками, у которых оленеводство было развито.

В четвертом параграфе «Традиционное собирательство и сельское хозяйство этноса» основное внимание уделяется особенностям традиционного собирательства и сельского хозяйства. Традиционное собирательство в хозяйстве негидальцев имело подсобный характер. Этот вид хозяйственной деятельности берет свое начало с древности. Занимались собирательством дети, женщины и старики, и его продукция полностью использовалась в семье или в кругу близких.

Все съедобные травы, дикорастущие ягоды и плоды одновременно служили и продуктом питания, и народным лекарством. Собирательство у негидальцев как и у других народов Дальнего Востока, вместе с охотой и рыболовством составляло единый хозяйственно-культурный комплекс. Использование съедобных и лекарственных растений при лечении болезней свидетельствует о глубоких знаниях флоры и большом опыте, приобретенном аборигенами Нижнего Амура в древности.

Сельское хозяйство, в частности растениеводство, постепенно развивалось из огородничества, основы которого аборигены заимствовали у русских переселенцев еще в конце XIX столетия. Более всего огородничество имело распространение у низовских негидальцев, а затем оно внедрилось и в верховской группе этноса. Негидальцы научились обрабатывать землю и ухаживать за растениями, от русских получили навыки выращивания картофеля, моркови, капусты и других овощей. Овощеводство не получило должного развития, а с ликвидацией колхозов прекратило свое существование. Но оно в жизни негидальцев было явлением прогрессивным, потому что наряду с традиционными промыслами органично включилось в их культуру.

Пятый параграф посвящен домашнему производству и орудиям труда. Изготовление домашней утвари и предметов промысла было важной отраслью хозяйственной деятельности негидальцев. У них существовало четкое разделение труда между мужчинами и женщинами: металлообработкой, поделками из дерева, кости и рога занимались только мужчины, которые имели большие навыки; шитьем, обработкой бересты, шкур животных, изготовлением из бересты утвари и т.д. занимались только женщины.

Негидальцы освоили кузнечное дело, имея для этой отрасли все необходимые инструменты и приспособления. Из цветных металлов и железа делали разнообразные орудия труда — ножи, пальмы, остроги, скребла, струги, тёсла, топоры, наконечники копий и стрел, гвозди, части оленьей упряжи, украшения, отливали из свинца пули и пр.

Кость и рог использовались для изготовления всевозможных колец, крючьев, пряжек для оленьей сбруи *усил*, накладок и наверхий луков *бэй-*

тэ и бэркан, стрел *нэй*, домашней и ритуальной утвари (блюда и ложки для медвежьего праздника).

Выделка бытовых и культовых предметов из дерева была очень распространённой: изготавливали кухонную посуду, ящики для слесарных инструментов, столики, детские колыбели, луки для стрельбы, оленьи сёдла, нарты, лыжи, лодки и др.

Существовало большое разнообразие форм и способов раскроя берестяной утвари. Посуда для воды *мулевун*, ведёрки *мулики*, короба *хага*, короба для мяса *каит*, для рыбы *туктуэ*, посуда для умывания *аввун*, черпаки *соковун* делались из одного куска бересты прямоугольной формы (однотипная утварь с вертикальными стенками и прямоугольным дном).

К концу XIX в. в быт негидальцев широко вошла покупная утварь: чугунные *икэ* и медные *чирикэ* котлы, медные чайники, фарфоровая чайная посуда, серебряные ложки *унгкан*. Но основная часть домашней утвари для приготовления и принятия пищи, хранения продуктов, одежды и мелких вещей изготавливалась в хозяйстве.

Типологически орудия труда, которые применялись негидальцами в домашнем производстве, были характерны для этого региона лишь с незначительными отличиями, обусловленными влиянием соседей.

Глава 2 «Материальная культура» включает в свой состав четыре параграфа, в которых рассматриваются постройки, одежда, пища и средства передвижения негидальского этноса.

В первом параграфе «Постройки негидальцев» рассмотрены жилые, хозяйственные, промысловые и ритуальные постройки. Специфика хозяйственной деятельности негидальцев и физико-географические условия области расселения этого народа предопределили постройки, которые отличались друг от друга своей формой и назначением. Все постройки негидальцев независимо от срока их использования были наземными, полуподземными и свайными, а по своей конструкции делились на срубные и каркасные.

Наиболее распространенным постоянным жилищем у негидальцев была полуземлянка *харанди* с двускатной крышей, отапливаемая при помощи очага, устроенного в центре жилища. В XIX столетии у негидальцев имелось постоянное зимнее жилище с кановой системой отопления. Подобные жилища характерны не только для негидальцев, но и соседних народов Нижнего Амура — нанайцев, орочей, удэгейцев и др. С появлением русских переселенцев в бассейне р. Амгуни стали распространяться жилища со стенами, сложенными из толстых бревен. Новая техника в домостроении привела к изменению традиционных конструкций наземных жилищ.

В настоящее время негидальцы живут в типовых двухквартирных или четырехквартирных домах с печным отоплением. В каждом поселении имеются школы, бытовые, торговые, медицинские и культурные учреждения, промышленные и промысловые отрасли.

Промысловые постройки у негидальцев — летние и зимние. К летним относятся небольшие корьевые двускатные шалаши с вертикальными стенками *огдан*. В качестве временного укрытия низовские негидальцы использовали шалаш, крытый травой *хэjrэну*. В теплое время года делали и временное промысловое сооружение полуцилиндрической формы не только негидальцы, но и соседние народы Нижнего Амура — нанайцы и удэгейцы, у которых этот тип постройки известен под терминами *хумала* или *еума*. Известно, что в прошлом негидальцы строили летние домики сферической формы. У нанайцев такие летники фигурируют под названием *хоморан*. Временным жилищем охотников служил и односкатный шалаш *калта*, что в языке тунгусо-маньчжурских этносов означает слово «половина».

На территории охотничьих угодий из плах — разрубленных пополам бревен — низовские негидальцы сооружали зимовье *уутээн*. Принцип постройки зимовья *уутээн*, за исключением некоторых деталей, у негидальцев, нанайцев и орочей практически был идентичным. В начале XX столетия негидальские охотники и рыбаки стали пользоваться двускатными брезентовыми палатками *зампан* с вертикальными стенками.

Наиболее распространенными хозяйственными постройками являются амбары разных типов: с двускатной крышей и вертикальными стенками *такту*; с крышей и стенками в виде полуцилиндра *н'унэйэ такту*. Амбары по своим размерам были малыми и большими: малые ставились на четыре сваи, большие — на шесть.

Негидальцы в местах охотничьего промысла сооружали и лабазы *дэлкээн* по тому же принципу, что и амбар *такту*. Рядом с постоянным жилищем устраивалась двускатная коптильня *самнивун*. Такие коптильни встречаются и в наши дни как у верховской, так и низовской групп негидальцев. Верховские негидальцы, занимавшиеся оленеводством, на летних стойбищах *урикуит* для оленей устраивали тентовые навесы *калта*, у низовских негидальцев они отсутствовали за неимением оленей.

В 1930-е годы негидальцы объединялись в промысловые артели под руководством интегралсоюзов. Появились несвойственные их хозяйственной культуре постройки, в частности: конюшни и коровники. Все больше стали строить дома русского типа, исчезли многие промысловые и хозяйственные постройки; из традиционных в наши дни сохраняются только самые необходимые, тесно связанные с хозяйственной деятельностью эт-

носа. К таким сооружениям следует отнести коптильни, ветровые заслоны *нела* и срубное зимовье из плах, а также вешала разных конструкций.

К ритуальным постройкам негидальцев относится шаманский комплекс, известный под термином *наннандяк*, в состав которого входят чум и две галереи различных антропоморфных изображений. Эти постройки в комплексе создавали материальное воплощение триединого образа мира — особое сакральное пространство. В XIX — начале XX в. негидальцы, как и другие этносы Нижнего Амура, смотрели на процесс рождения «как на нечто нечистое», поэтому роженицу на время родов изолировали от близких, даже членов семьи. Для этого роженице строили специальный шалаш *jatavu* из жердей и коры. У негидальцев шалаш для роженицы был конического типа. Сооружался он в укромном месте, недалеко от жилого дома. Родильные шалаши были характерны для всех народов Нижнего Амура, о чем свидетельствует общая терминология этой постройки.

Анализ этнографических данных позволяет говорить о широком распространении традиционных жилых и промысловых, хозяйственных и ритуальных построек по всей территории расселения негидальцев. Наличие общих устойчивых признаков в постройках негидальцев и других народностей подтверждает мысль о тесных связях и культурных контактах между народами Нижнего Амура, Приморья и Сахалина.

Во втором параграфе «Одежда, обувь, головные уборы и украшения негидальцев» проводится классификация одежды. Повседневная одежда имела половозрастное и сезонное деление и по назначению разделялась на повседневную, промысловую, праздничную, свадебную и ритуальную.

Мужская одежда состояла из летнего, осенне-весеннего и зимнего комплекта. В состав мужской одежды входили халаты *тэндо*, куртки, штаны, головные уборы, обувь и другие вещи. Одежда шилась из рыбьей кожи, выделанных шкур оленей и других животных. Во второй половине XIX в. в быту негидальцев появились различные ткани, что повлекло за собой некоторые изменения в пошиве одежды, хотя покрой оставался прежним.

Зимой негидальцы носили ватные халаты *сэлиэн* покроя кимоно или шубы из шкур диких зверей. Все мужские халаты подпоясывались узеньким пояском *нукуп*. Спереди под пояс всегда подвешивалась маленькая сумочка *чомпа*, кривой нож *калта* и нож с прямым лезвием *кусэкэ*. В сумочке охотник носил спички или огниво, трут и камень, иголку и нитки из сухожилий. Без этих атрибутов ни один негидалец не отправлялся в дорогу даже на очень близкое расстояние.

К поясной одежде негидальцев относятся короткие и длинные штаны *нинта хонто*. Летние штаны шились из ткани, а зимние — из выделанных

шкур животных или рыбьей кожи. Короткие штаны носились в комплекте с ноговицами *арамус* из традиционных и современных материалов. Ноговицы типа негидальских *арамус* имелись в национальных костюмах многих тунгусо-маньчжурских народностей. Нанайцы такие ноговицы называли *гарон*, орочи — *аммуи*, эвенки — *хоторо*, ёрки, ульчи — *гару*.

Обувь «низовских» негидальцев, живших смежно с нивхами и ульчами, была похожа на обувь этих народов. По классификации Г.М. Василевич, она подразделяется на поршневидную и башмаковидную по своему покрою. Поршневидная обувь, характерная для народностей южной части Дальнего Востока, относится к нижеамурскому типу, а башмаковидная — к восточносибирскому. Материалом для ее пошива служили рыба кожа и тюленья обработанная шкура, на подошву шла ровдуга из шкуры лося. Необходимой принадлежностью негидальского костюма являлись нарукавники *анада*, меховые рукавицы *к'оло* и другие вещи.

При передвижении по зарослям или при свежевании зверя негидальцы надевали кожаные фартуки *накла* или юбки *дантуни*. Фартук имел прямоугольную форму, верхняя часть подшивалась и снабжалась вздержкой — тесемкой, которая при передвижении по тайге завязывалась за спиной. Во время отдыха негидальцы фартук передергивали на поясицу и сидели на нем на земле. Такие передники носят ороки Сахалина, нанайцы и ульчи называют их *бэпи*, нивхи — *нјапа*. Промысловая одежда отражала характерные физико-географические, сезонные и климатические особенности этноса.

Женская одежда, обувь, головные уборы, ноговицы и другие элементы, как и у мужчин, была повседневной, промысловой, праздничной, свадебной и ритуальной. Женский повседневный костюм по своему покрою и составу за исключением некоторых деталей не отличался от мужской одежды. Женские халаты были длиннее мужских, ниже колен и всегда украшались цветными полосками разной ширины.

Каждая негидальская женщина имела штаны *сугбума* из рыбьей кожи, с подкладом из хлопчатобумажной ткани и без подклада. Выкройка женских штанов *анта хэидуни* была такой же, как эвенкийских женщин. У негидальских женщин были штаны только до колен, поэтому они всегда носили наколенники с подкладом, которые по покрою были аналогичны мужским наколенникам *мыйэвун* или ноговицам. Отличались женские наколенники от мужских наличием красочного орнамента и цветных полосок, расположенных в нижней части. Женщина надевала наколенники на голые ноги. Летом они спасали ноги от комаров, мошки и гнуса, а зимой предохраняли от холода. Низ наколенников заправлялся в обувь *онта* с короткими голенищами или в высокие меховые сапоги *унти*.

Праздничная и свадебная одежда шилась из дорогих тканей, преимущественно из шелка. Эта одежда обильно украшалась вышивками и аппликациями. Обычно такие дорогие вещи входили в состав приданого дочери богатых родителей. Эти вещи очень ценились, переходили по наследству и бережно сохранялись.

Ритуальная и поминальная одежда негидальцев состояла из шаманского комплекса верхней одежды, похоронного и поминального костюмов. У негидальцев шаманами были как мужчины, так и женщины. Комплекс верхнего облачения негидальских шаманов был не одинаковым. У начинающих шаманов он состоял из пояса, бубна, халата или передника. Более опытные обзаводились юбками, обувью, шапками и т.д., а профессиональные шаманы, как правило, имели два шаманских костюма. По покрою шаманский халат западного типа ничем не отличался от халата, предназначенного для повседневной носки.

Наиболее важной частью шаманского костюма являлся головной убор *хоя*, *упси*, *уфси*. Это обычный кожаный шлемовидный головной убор, слегка прикрывающий затылок и снабженный небольшими округлыми фетровыми наушниками, опускающимися до мочек ушей. Общий вид такой шапки напоминает корону, которой венчался большой шаман.

В шаманской одежде негидальцев и соседних этносов Нижнего Амура прослеживаются идентичные формы и названия, что свидетельствует о взаимовлиянии культур разных этносов. Погребальная одежда негидальцев преимущественно создавалась из традиционных материалов — ровдуги лося или дикого оленя. Она состояла из двух частей — либо безрукавки и распашной юбки, либо безрукавки и халата. Вся погребальная одежда украшалась различными вышивками. В орнаментике негидальского погребального костюма удивительно гармонично сочетаются между собой элементы тунгусского, нижнеамурского и кочевнического тюрко-монгольского орнамента. Это свидетельствует не только о богатой творческой фантазии мастерицы, но и о несомненных контактах негидальцев с разными по культуре народами.

Традиционная одежда свидетельствует о том, что негидальцы, несмотря на малую численность, сохраняли в течение длительного времени свои этнические традиции. Хранителями этих традиций являются сегодня в основном жительницы с. Владимировки в районе им. Полины Осипенко Хабаровского края.

С развитием культуры и быта негидальцев и под влиянием переселенцев из европейской части России традиционная одежда негидальцев постепенно вытеснялась одеждой европейского покроя и фабричного производства.

Негидальцы, как и другие народы Нижнего Амура, любили различные украшения, изготовленные из серебра и латуни: серьги для ушей, носовые серьги, ожерелье, браслеты. Важное место среди женских украшений занимали медные и бронзовые украшения для халатов, зеркалаца, колокольчики, бисер и пуговицы, которыми украшались женские халаты, нагрудники и обувь.

Вместе с отмиранием прежних форм национальной одежды исчезают старые украшения и прически. С 1960—70-х годов негидальские женщины уже не украшают себя массивными серьгами, мужчины и многие женщины предпочитают короткие стрижки.

Третий параграф «Пища и утварь» негидальцев.

Традиционные продукты питания — мясо *улэ*, рыба *оло*, съедобные дикорастущие растения и ягоды, добытые членами семьи. Зимой пищу варили в жилище, а летом — на улице. Пищу готовили женщины. Первыми ели мужчины, потом женщины и дети.

Мясо ели в сыром, вареном, жареном, мороженом и вяленом виде, варили крупными кусками, готовили мясные супы из свежего мяса и сушеного. Вяленое мясо негидальцы растирали в порошок, добавляли к нему корни, травы и варили жидкий суп. Вареное мясо запивали бульоном, который иногда смешивали с мукой. В сыром виде негидальцы ели отдельные части туши лося, оленя или изюбра: ноздри и уши, из которых получали хрящ, а также внутренние органы этих животных — печенку, почки, сердце. Лакомством считался язык оленя и сырой мозг из трубчатых костей парнокопытных животных.

Рыбная пища была также важным продуктом питания негидальцев: кета, горбуша, сазан, щука, хариус, карась и др. Рыбу *оло* употребляли в сыром, вареном, тушеном, жареном, копченом и вяленом виде. В большом количестве негидальцы заготавливали юколу разных сортов, которую употребляли в пищу сырой, вареной, моченой и слегка поджаренной; рыбий жир *хээтээ* делали из отходов лососевых. Из внутренностей красной рыбы большой популярностью пользовалась икра — вареная и жареная.

В конце XIX — начале XX в. негидальцы, жившие рядом с русскими переселенцами, стали солить рыбу и употреблять ее в пищу с картофелем и лепешками. Растительная пища негидальцев отличалась большим разнообразием: дикий лук и чеснок, разные корни, травы, ягоды и плоды. Из дикорастущих ягод негидальцы собирали для разового употребления клюкву, голубицу, красную смородину, бруснику, черемуху, шиповник и др. Весной использовали березовый сок, который пили в свежем виде; для заварки чая сушили Иван-чай, листья брусники и смородины. Из овощных

продуктов большой популярностью пользовались картофель, капуста, морковь. Хлеб и лепешки научились печь от русских, заодно заимствовали у них и кухонную утварь.

В постсоветский период в питании негидальцев из традиционных продуктов преобладают рыба, мясо лоса, птица, а из привозных — хлеб, мука, масло, консервы, сахар и др. Продукты огородничества составляют овощи, лук, картофель.

Утварь негидальцев — покупная и самодельная (из бересты, дерева, прутьев тальника, кожи и замши). Из бересты изготавливались большие чашки с вертикальными стенками и плоским прямоугольным дном, маленькие чашечки для еды, высокие туеса для хранения муки, ягод или картофеля, прямоугольные ведра, берестяные короба для хранения и перевозки посуды, берестяные короба для хранения продуктов, цилиндрические коробки для хранения палочек для еды и ложек и др. Деревянная утварь изготавливалась из одного куска дерева. Обычно выдалбливались чашки, корыта для корма собак, вертела, доски для рубки мяса, низенькие столики для разделки рыбы и мяса, черпаки и поварешки, ложки и др. Разнообразная утварь и хозяйственные вещи производились из кожи и замши. Это кожаные выючные сумки для перевозки котлов или посуды, кожаные сумки для мяса, мешочки для соли. Кроме самодельной утвари, негидальцы имели и покупную посуду.

В четвертом параграфе «Средства передвижения и пути сообщения» отмечаем, что в каждой семье негидальцев имелись свои водные и сухопутные средства передвижения. Добыча рыбы или передвижение по реке осуществлялись на составных лодках *огда* и лодках-долбленках *огдама*. Для охоты в заводях на изюбра или лоса использовалась лодка берестянка *омоочин*. Негидальские лодки по конструкции кормы и носа относятся к двум типам амурского варианта. Составная лодка делалась из трех-пяти широких досок, имела острый нос и прямую корму. Лодка-долбленка, или оморочка *омоочин*, изготавливалась из тополя большого размера. Строго запрещалось делать лодку из тополя или поваленного бурей дерева, душа которого, по представлениям негидальцев, находилась в загробном мире.

Сухопутные средства передвижения — лыжи и нарты. Каждый охотник имел индивидуальные лыжи двух разновидностей: первые — простые деревянные голицы *кинэнэ*; вторые — с меховой обшивкой из камуса *соксила*. Лыжи делали из березы или пихты. Голицами негидальцы пользовались в конце зимы, когда снег покрывался ледяной корочкой и был твердым, а лыжи с камусной основой применяли при глубоком и рыхлом

снеге. Зимой для перевозки туши убитого животного или тяжелых грузов негидальцы использовали лыжу-волокушу *кеелчи* или низкую прямокопыльную нарту *турки* без дуг. Нарту всегда тянул охотник вместе со своей промысловой собакой.

В годы советской власти национальные средства передвижения претерпели большие изменения. С середины 1930-х годов в национальных колхозах преобладал гужевой транспорт: лошади (от 5 до 15 голов) использовались в качестве тягловой силы при перевозках грузов зимой на саниах, а в бесснежное время — на телегах.

В конце 50-х годов XX в. в колхозах стали появляться тракторы и автомобили. Развитие дорожной сети дало возможность приобретать личный моторизированный транспорт. Негидальцы охотно приобретали лодочные моторы «Вихрь», мотоциклы с коляской «Иж Юпитер», двухколесные «Восход», «Минск». В конце 1980-х — начале 1990-х годов повышенный интерес у охотников проявляется к мотосаням типа «Буран» — к ним промысловики прицепляют нарты или небольшие сани и из тайги доставляют продукцию охоты в село. Из традиционных средств передвижения до сих пор сохраняются только составные лодки, ручные нарты и лыжи.

Таким образом, материальная культура негидальского этноса является единым хозяйственно-культурным типом охотников, рыболовов и собирателей Приамурья и Сахалина. Она развивалась в течение веков в тесной взаимосвязи народов (удэгейцев, нанайцев, ульчей, орочей и др.) южной части Дальнего Востока, а также с восточнославянским населением региона.

В заключении подведены итоги исследования, отражающие степень достижения поставленной цели и решения сформулированных задач.

В целом исследование показало, что хозяйство и материальная культура негидальцев претерпели значительную трансформацию: от традиционной системы присваивающего природопользования в рамках ХКТ охотников, рыболовов и собирателей к деятельности колхозной системы хозяйствования с появлением таких производящих отраслей, как молочно-мясное животноводство, овощеводство и звероводство. Современный период характеризуется актуализацией присваивающих видов деятельности, таких как рыболовство.

Данный алгоритм развития хозяйственной деятельности обусловил функционирование комплекса материальной культуры, представляющего синтез традиций и инноваций, детерминированных совокупностью взаимосвязанных факторов политического, социального, экономического и этнокультурного порядка.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Янчев, Д.В. Традиционные промыслы негидальцев / Д.В. Янчев // Научно-теоретическая конференция «Проблемы культуры Дальнего Востока»: тез. докл. Владивосток, 1992. С. 12. (0,1 п.л.).
2. Янчев, Д.В. Охотничий промысел негидальцев: традиции и современность / Д.В. Янчев // Исторический опыт открытия и освоения Приамурья и Приморья в XVII—XX вв.: (к 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Благовещенск, 1993. С. 170—173. (0,4 п.л.).
3. Янчев, Д.В. Влияние промышленной цивилизации на традиционную культуру негидальцев (середина XIX — начало XX в.) / Д.В. Янчев // Исторический опыт освоения Восточных районов России. Владивосток 20—22 сентября 1993 г. Владивосток, 1993. С. 103—106. (0,45 п.л.).
4. Янчев, Д.В. Способы и средства передвижения негидальцев: традиции и современность / Д.В. Янчев // Краевед. вестн. Владивосток, 1994. Вып. 3. С. 178—180. (0,3 п.л.).
5. Янчев, Д.В. Хозяйственная лексика как этнографический источник: (к постановке проблемы) / Д.В. Янчев // Третья Дальневосточная конференция молодых историков: Тез. докл. Владивосток, 1994. С. 41—42. (0,1 п.л.).
6. Янчев, Д.В. Водные средства передвижения у негидальцев: традиции и современность / Д.В. Янчев // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: ВОСТОК — ЗАПАД. Владивосток 26—29 марта 1996 г. Владивосток, 1996. Вып. 3. С. 69—72. (0,3 п.л.).
7. Янчев, Д.В. Собирательство низовских негидальцев (середина XIX — начало XX вв.) / Д.В. Янчев // Историко-культурные связи: этнические перекрестки. Саратов, 1996. С. 67—72. (0,4 п.л.).
8. Янчев, Д.В. Промысловая одежда негидальского охотника (середина XIX — начало XX в.) / Д.В. Янчев // Вопросы археологии, истории и этнографии Дальнего Востока РАН. Владивосток: ИИАЭ, 1997. С. 55—58. (0,4 п.л.).
9. Янчев, Д.В. Домашнее производство и орудия труда негидальцев / Д.В. Янчев // Россия и АТР. Владивосток, 1997. № 4. С. 85—91. (0,5 п.л.).
10. Янчев, Д.В. Некоторые аспекты этнокультурных контактов в изучении промысловой деятельности негидальцев / Д.В. Янчев // Материалы международной научной конференции: к 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции. Владивосток 1—5 апреля 1998 г. Владивосток, 1998. С. 306—310. (0,5 п.л.).
11. Янчев, Д.В. Рыболовный промысел негидальцев (середина XIX — начало XX вв.) / Д.В. Янчев // Материалы Пятой Дальневосточной конференции молодых историков. Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 186—190. (0,5 п.л.).
12. Янчев, Д.В. Промысловые и хозяйственные постройки негидальцев (середина XIX — XX в.) / Д.В. Янчев // Традиционная культура Дальнего Востока. Хабаровск, 1998. С. 96—103. (0,6 п.л.).
13. Янчев, Д.В. Этнокультурные контакты негидальцев в Приамурье / Д.В. Янчев // Этнологические исследования и перспективы развития. СПб., 2000 г. С. 204—212. (0,5 п.л.).
14. Янчев, Д.В. Проблемы этнографического изучения хозяйства негидальцев / Д.В. Янчев // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: ВОСТОК—ЗАПАД: Материалы научной конференции 27—28 апреля 1999 года; Материалы научной конференции 14 апреля 2000 года. Владивосток, Изд-во ДВГМА, 2000. Вып. 6, 7. С. 19—22. (0,4 п.л.).

15. Янчев, Д.В. Соболиный промысел негидальцев в 40—50-х гг. XX века / Д.В. Янчев // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: ВОСТОК-ЗАПАД: Материалы научной конференции 27—28 апреля 1999 г.; Материалы научной конференции 14 апреля 2000 года. Владивосток, Изд-во ДВГМА, 2000. Вып. 6, 7. С. 87—88. (0,2 п.л.).
16. Янчев, Д.В. Промысловая культура негидальцев / Д.В. Янчев // Традиционная культура народов Севера и Дальнего Востока России: состояние, перспективы развития: сб. материалов. Владивосток, 2001. С. 114—127. (0,5 п.л.).
17. Янчев, Д.В. Общее и особенное в хозяйстве верховских и низовских групп негидальцев / Д.В. Янчев // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, Изд-во АмГУ, 2001. Вып. 3. С. 228—236. (0,6 п.л.).
18. Янчев, Д.В. Традиционная промысловая одежда негидальцев / Д.В. Янчев // 6-я Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. С. 98—103. (0,5 п.л.).
19. Янчев, Д.В. П.К. Яворовский — исследователь негидальцев / Д.В. Янчев // Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии: Материалы науч. конф., посвящ. 102-й годовщине со времени образования ДВГУ. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. С. 49—50. (0,1 п.л.).
20. Янчев, Д.В. Элементы воспитания негидальского охотника в традиционном и современном обществе / Д.В. Янчев // Материалы научной конференции 10—14 сентября 2001 г. «Межэтнические и межкультурные контакты Сибири и Дальнего Востока. СПб., 2002. С. 102—106. (0,4 п.л.).
21. Янчев, Д.В. Отражение этнокультурных контактов в промысловой деятельности негидальцев / Д.В. Янчев // Седьмая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток: Изд-во Дальневост. у-та, 2002. С. 305—310. (0,5 п.л.).
22. Янчев, Д.В. Оленеводство негидальцев на рубеже XIX—XX вв. / Д.В. Янчев // Традиционная культура народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: Науч.-практ. конф. Владивосток, 2002. С. 97—103. (0,5 п.л.).
23. Янчев, Д.В. Домашнее производство и орудия труда негидальцев / Д.В. Янчев // Восьмая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 283—288. (0,5 п.л.).
24. Янчев, Д.В. Промысловые постройки негидальцев на рубеже XIX—XX вв. / Д.В. Янчев // Традиционная культура народов Сибири. Улан-Удэ, 2004. С. 36—45. (0,6 п.л.).

Изд. лиц. ИД 05497 от 01.08.2001 г. Подписано к печати 18.11.2006 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,38. Тираж 120 экз. Заказ 168.

Отпечатано в типографии ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7.

